

УДК 82-31

**ПОЭТИКА РОМАНОВ М. ФЛОРИНА «САД» И «БРАТЦЫ-СЕСТРИЦЫ»
(к проблеме художественной условности в философской шведской прозе)**

© 2011 г.

Д.В. Кобленкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

dvmk@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.02.2011

Рассматривается поэтика художественной условности двух философских романов современного шведского прозаика Магнуса Флорина.

Ключевые слова: шведский минималистский роман, философская условность, орнаментальная проза, авторская биография, М. Флорин.

Магнус Флорин (р. 1955) принадлежит к современному поколению шведских писателей. Однако, по его собственному утверждению, литература носит для него прикладной характер. Его в большей степени интересуют естествознание, «антропологическое измерение», наблюдение над миром людей и растений. Наряду с этим Флорин много размышляет о языке, который для него «эхо других эпох», который шире отдельной индивидуальности, это язык «многих голосов». По образованию Флорин – литературовед, в течение многих лет занимался драматургией, заведовал литературной частью в Драматическом театре (Драматене) в Стокгольме, затем был директором шведского радио-театра. Загородный дом Флорина находится недалеко от Уппсалы, в нескольких километрах от дома самого известного исследователя флоры и фауны Карла Линнея. Это обстоятельство, наряду с семейным интересом к ботанике и смежным научным дисциплинам, с увлечением философией и историей, привело Флорина к идее написания романа «Сад» [1;2], посвящённого жизни Линнея, но не классической биографии, а ставшей популярной и востребованной в конце XX века биографии авторской. Свои размышления Флорин изложил в форме стилистически изящных фрагментов, «сцен», в которых Линней показан учёным-теоретиком, занимающимся описанием и систематизацией природы в своём небольшом поместье Хаммарбю.

Жанр произведения М. Флорина шведская критика определяет как «miniaturroman» [3, с. 69], что в контексте современной шведской и – шире – скандинавской прозы является вполне верным. Эта особенность – тяготение к минималистике – имеет в скандинавском реги-

оне давнюю традицию. Сам Флорин также говорит о том, что его текст нельзя считать в полном смысле романом, однако тематическая составляющая произведения при такой неклассической форме не теряет значения. Напротив, в отличие от многих экспериментальных текстов, эксплуатирующих технику минимализма, роман «Сад» имеет сюжет, т.е. определённую ситуацию, которая показана в развитии. Такой ситуацией является процесс каталогизирования Линнеем растений, животных и минералов, их строгое распределение по видам, родам, классам и отрядам. Сам процесс аналитического распределения всего живого свидетельствует об убеждённости Линнея в неизменяемости всего сущего, в наличии Системы, которая не подлежит изменению. Космос его природной модели не предполагает движения и развития. Приведём один из фрагментов.

Февраль. Март. Лекции. Существуют роды, семейства и виды. Но студенты не способны различать эти порядки и разновидности, ведь они относительны. Пытаются классифицировать по месту произрастания, по размеру, по пятнышкам на цветках, по форме стебля, по окраске корневища.

Линней разъясняет, что Система должна где-то завершиться.

– Разновидности суть несуществующие отклонения.

Разъясняет, что необходимо разграничивать неизменную Систему и переменчивые разновидности.

– Иначе Системе конца-краю не будет.

Запрещает студентам заниматься разновидностями [2, с. 86].

Кульминацией сюжета является обнаружение Линнеем ни на что не похожего растения,

которое асистемно. Он называет его «Pelagia» («монстр, чудовище, уродство»). Оно разрушает логику всех построений, утверждая своим существованием правомерность иной идеи: ничто не существует раз и навсегда данным, природа находится в постоянном развитии. Известно, что реальный Линней в конце жизни отказался от своей концепции абсолютной неизменности природы и признал возможность эволюции видов.

В романе Флорина история Линнея имеет, безусловно, символический характер. Кодифицирующую функцию выполняет уже заглавие романа: «Сад». Выбирая это слово в качестве «ключа», Флорин, с одной стороны, описывает реальный сад Линнея, в котором тот проводил свои эксперименты, с другой – обыгрывает более чем известную мифологему. Типология садов (как в садово-парковом искусстве, так и в литературных источниках) различна. Но главное, что объединяет все сады, – это упорядоченность, системность, строгая продуманность. Наличие «бессистемных» садов не опровергает принципа, напротив, идея хаотичного сада – это тоже по-своему система, но от обратного. Наличие концептуального начала в садах (начиная с библейского райского сада до садов романтиков и реалистов) превращает их в символ иной модели мира, в альтернативную форму бытия, иногда являющуюся аналогом иного мира, этапом инициации. В ряде случаев сад, как и у Флорина, показан как пространство эксперимента (например, в новелле Н. Готорна «Дочь Раппачини» и в ремейке этого сюжета – новелле Ф. Сологуба «Отравленный сад»). Другой семантической составляющей символа является идея «круга», повторяемости. Замкнутость сада и всего живого в нём на самом себе утверждает мысль о статичности, повторяемости. Всё ясно, прозрачно, упорядоченно. Весь мир дан в миниатюре, и мир этот познан.

В системе образов романа теоретика Карлу Линнею противопоставлен садовник-практик. Эти персонажи в романе Флорина, как шахматные фигуры, абсолютизируют философский конфликт: убеждённости в наличии упорядоченной подконтрольной системы противопоставлена идея изменчивости и непредсказуемости сущего.

Обращает на себя внимание в романе поэтика художественной условности. Как было отмечено, Флорин избирает фрагментарную форму повествования, уделяя исключительное внимание стилю фрагментов. Изысканность авторской речи, повторяемость одних и тех же мотивов, а вместе с ними и оборотов речи дают ос-

нование назвать роман примером шведской орнаментальной прозы. Кроме того, мини-роман Флорина явно продолжает популярную в Швеции традицию «документалистики», начатую в 60-ые годы П.Г. Эвандером, П.У. Сундманом и П.У. Энквистом. К концу XX века документальный подход начал беллетризоваться, Энквист перешёл к созданию эпатажных авторских биографий (например, «Из жизни дождевых червей» о Г.Х. Андерсене, «Ночь трибад» о первом браке А. Стриндберга, «Книга о Бланш и Мари» о личной жизни Марии Кюри и др.). Ч. Юханссон написал роман «Лицо Гоголя», который, как и последние романы Энквиста, имеет смысл рассматривать в качестве примера постмодернистской (с определёнными уточнениями) биографии. Свой вариант известной миру личности представила и самая многообещающая женщина в современной шведской литературе Л. Лутасс, тоже обратившаяся к русской теме: её героем стал Ю. Гагарин (роман «Третья космическая скорость»). Таким образом, роман Флорина о Карле Линнее – пример развивающейся постмодернистской биографической прозы, но, как и у большинства шведов, с не постмодернистским, а типично шведским философским конфликтом в основе. Т.е. по внешним признакам текст можно считать игровой постмодернистской конструкцией, по внутреннему замыслу – философским романом с конкретной идеей. Те формы, которые Флорин избирает для иллюстрации интересующей его дилеммы, свидетельствуют, что в романе используется рациональная (научная) посылка (каталогизирование явлений природы), которая сопрягается с «культурным» мифом о реальном Линнее, ставшем, наряду с Дарвином, «эмблемой» строгого типологического научного мышления. В то же время исчезновение «историзма» (помещение истории в условные «здесь» и «сейчас»), устранение из текста семьи Линнея и тенденция к деноминации (оппонент Линнея просто Садовник) переводят конфликт в разряд вневременных, универсальных. Достаточно ясная мысль автора об ошибочности фанатичной веры в торжество нерушимой Системы позволяет трактовать образы не как символы, а как аллегории, а текст в целом – как философскую назидательную притчу, что также характерно для шведской литературной традиции.

Размышления М. Флорина над проблемой системности и «границ необходимого порядка», как показывают его следующие романы, не являются единичным случаем. Напротив, за «Садом» последуют ещё два произведения, в которых идея Порядка (по-шведски «Ordningen»)

найдёт своё символическое выражение. В 1998 году будет издан роман «Братцы-сестрицы», в 2001 году роман «Циркуляция».

В контексте основных идей Флорина остановимся на романе «Братцы-сестрицы» [4; 5]. В произведении используется форма «я»-повествования. В шведской литературе этот нарративный принцип имеет безусловный приоритет, отражает ментальные черты сознания скандинавов. Такую форму после появления произведений К. Гамсуна в Норвегии стали называть «закрытой» формой романа в противовес «открытой» форме «он»-повествования. «Закрытая» форма отличается субъективностью, акцентом на отношении к событию, а не на самом событии. Рефлексия по отношению к себе и внешним факторам жизни становится здесь предметом изображения. Сознание повествователя моделирует свою реальность, которая может быть какой угодно. В текстах условных, как правило, создаётся «экспериментальная ситуация», позволяющая рельефно представить суть противоречий. Антитезы нередко абсолютизируются до онтологических категорий, что придаёт повествованию космологический характер.

В романе «Братцы-сестрицы» вновь используется фрагментарный принцип композиционного сцепления частей. Но, в отличие от романа «Сад», объективные «сцены», поданные как хроника датированных событий, сменяются субъективными. Однако хронологическая фиксация происходящего по месяцам или времени суток является псевдореальной, как и упоминание места действия (город Лунд, аптека «Лев»), которое является лишь «декорацией». В соответствии с универсальными принципами философской условности все подробности «лишены конкретности», «узнаваемости, возможности соотнесения с чем-то, когда-либо действительно бывшим» [6, с. 196]. В то же время Флорин ни в одном из этих романов не осваивает «территории фантастического» [7, с. 111], его художественный мир двухмерен. Второй, символический, план повествования создаётся посредством абстрагирования и повторяемости событий и стилистических конструкций, «вырастающих» до уровня лейтмотивов. В итоге «ритмические повторы слов, абзацев, образов, сцен» [8, с. 117], т.е. обращение к поэтическому языку, о чём говорит и сам Флорин [9], приводят к наложению мотивной и сюжетной структур друг на друга [10]. Так задаётся многослойность и многозначность романа. Кроме того, разрушение устойчивой формы повторов в финале романа коррелирует с основной идеей произведения о неизбежности взламывания изнутри

любой конструкции. Следовательно, для усиления художественного эффекта Флорин использует смысловую и структурный параллелизм.

Роман отличается усложнением вторичной условности и на уровне системы образов. Так, повествование ведётся от лица некоего персонажа, имя и возраст которого остаются неизвестными. Упоминаются Мать и Отец, а девять братьев и сестёр, хотя и названы по именам, изображаются как символическое единство, что и подчёркивается заглавием романа: «Syskonen» [5], т.е. ближайшие братья и сёстры, члены одной семьи, а не вообще братья (bröderna) и сёстры (systemna). Деноминация – нередкий приём в философской прозе и драматургии. У Флорина он позволяет расширить интерпретационное поле и в логике всего текста рассматривать сознание рассказчика как ещё один символ контролирующего всё разума, стремящегося к Порядку, в то время как его братья и сёстры, постоянно выходящие из-под контроля, символизируют иррациональное, подсознательное и – в широком смысле – живое, естественное, природное, т.е. истинное. Кроме того, выражение «братья и сестры» является традиционным христианским наименованием рода человеческого, людей вообще. В таком контексте Некто, управляющий ими, уже воспринимается как Бог-Отец, а роман приобретает философско-религиозное звучание, что также характерно для шведского искусства. Мучительные дискуссии о власти Высшего начала и границах свободного волеизъявления человека ведутся среди католиков и протестантов на протяжении не одного столетия, и вопрос, на чьей стороне истина, по-прежнему открыт.

В русском переводе заглавия романа и соответственно основной его формулы переводчица Елена Самуэльсон предпочла сделать акцент на фольклорный вариант прочтения, где «братец» и «сестрица» тоже воспринимаются как аллегории духовного и физического родства, невозможности существования одного без другого (ср. «сестрица Алёнушка и братец Иванушка»). Но во всех случаях герои являются абстракцией, маской какой-либо сущности, которая составляет лишь часть большой космологии.

Я сказал братцам-сестрицам:

– Нужно было бы накрепко связать вас нитями, которыми я мог бы надёжно и уверенно управлять. Тогда я пользовался бы вами, когда мне это было бы удобно [5, с. 51]. Но братцы-сестрицы по-прежнему мечтали освободиться, чтобы разъехаться в разные стороны. Стремление загадочных братьев и сестёр выйти из повиновения и не быть частью неизменяемой си-

стемы приводит к открытому столкновению со старшим братом. В перечислительной интонации, без психологических мотивировок, в форме глаголов настоящего времени сообщается об использовании рассказчиком логических (т.е. системных) доводов в суде, благодаря которым все беглецы оказываются в тюрьме.

Сентябрь. Срок заключения братцев-сестриц подошёл к концу. Они выходят из тюрьмы. Я стою у тюремных ворот и приветствую их, когда они выходят. Из женской тюрьмы. Из мужской. Я:

– Дошло до вас за время заключения, что убежать от меня не следует? [5, с. 100]. Идея системности и различных версий её присутствия в мире обосновывается героем в разных вариантах.

Февраль. Март. Апрель. Учитель математики:

– Следи внимательно, чтобы всё было правильно в начале счёта, ибо если ты в начале допустишь маленькую ошибку, впоследствии в процессе приведёт к крупному несоответствию, которое можно будет устранить только пересчитав всё с начала [5, с. 24].

Обучение братцев-сестриц тоже имеет системный характер, и внутри системы показываются соподчинительные связи. Кроме того, в одном из таких фрагментов вновь появится упоминание о саде:

Ночь. Ясное небо, на котором ярко и отчетливо сияют луна, звёзды, планеты. Я собрал братцев-сестриц возле пруда в ботаническом саду и говорю им:

– Уран находится в созвездии Рыб. Юпитер находится в созвездии Овена. Сатурн находится в созвездии Стрельца. Видите?

Братцы-сестрицы:

– Может, и видим [5, с. 47].

Очевидно, что до последних страниц своего мини-романа Флорин представляет только часть сознания рассказчика. Настроения, эмоции не воссозданы, а названы. Вместо «рассказа» перед нами «показ», вместо «драматического» повествовательного принципа используется «картинный». Таким образом, текст в ещё большей степени, чем роман «Сад», является иллюстрацией заданной концепции, обнажает свою философскую модель. Его идейная однонаправленность повышает степень условности, но и упрощает интерпретацию. Смысловым разрешением представленной символической ситуации становится финальная часть, поэтика которой напоминает «Записки сумасшедшего» Гоголя. Повесть Гоголя в Швеции хорошо известна, и не только текст Флорина обнаруживает смыс-

ловое и структурное сходство с ней. В романе Флорина Рассказчик также оказывается в клинике для душевнобольных, и, таким образом, задаётся новая парадоксальная ситуация: тот, кто должен осуществлять контроль, сам бесконтролен. Идея Системы распадается изнутри, братцы-сестрицы получают свободу. С другой стороны, само понятие границы между Порядком и Беспорядком теряет очертания, и то, что считалось проявлением здравого смысла, оборачивается проявлением патологии. Так космичен (разумно упорядочен) или хаотичен (беспорядочен) созданный Высшим Разумом мир?

Очевидно, что философский план романа не исключает в шведском контексте и плана более конкретного, социально-психологического. Всем известно, что по отношению к Швеции часто употребляются понятия «шведская экономическая модель», «шведская социальная система». Действительно, Швеция является государством с отлаженной, стабильной, редко дающей сбои внутренней организацией. Но именно это и становится в стране причиной психологических кризисов, проявившихся в самый стабильный период в большом количестве самоубийств. В одном из предисловий к изданию «Шинели» Гоголя, которая в Швеции также широко известна, было дано неожиданное, но показательное толкование: в повести оценивался прежде всего факт того, что бедный чиновник смог восстать против системы [11, с. 7]. Это ещё раз доказывает, что существование человека внутри любой модели (религиозной, экономической, социальной) приводит к потребности изменить её. Не случайно символ шведской науки Карл Линней в романе Флорина не смог остановить время, чтобы вечно эксплуатировать одну-единственную систему, поскольку не смог остановить «эволюцию видов».

Список литературы

1. Florin M. Trädgården. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1995. 117 s.
2. Флорин М. Сад / Пер. со швед. Н. Фёдоровой СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 160 с.
3. Blomqvist A., Blomqvist L.E. Vem är vem i svensk litteratur. Stockholm: Prisma, 1999. 280 s.
4. Florin M. Syskonen. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1998. 97 s.
5. Флорин М. Братцы-сестрицы. Пер. с швед. Е. Самуэльсон. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2004. 136 с.
6. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 406 с.
7. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.

8. Скорospelова Е.Б. Орнаментализм и мотивная организация повествования / История русской литературы XX века. 20–50-ые годы. Литературный процесс. М.: Изд-во Московского ун-та. 2006. 776 с.

9. Александров Н. Тет-а-тет. Беседы с европейскими писателями. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2010. 416 с.

10. Силард Л. К вопросу об иерархии семантических структур в романе XX века // Hungaro-Slavica. Budapest, 1983.

11. Lindgren S. Förord // Gogol N. Kappan. I översättning och med förord av Stefan Lindgren. Stockholm: Fabel Förlag, 1994. 78 s.

**THE POETICS OF MAGNUS FLORIN'S NOVELS «THE GARDEN» AND «BROTHERS-SISTERS»
(to the problem of the artistic relativity in Swedish philosophical prose)**

D.V. Koblenkova

The poetics of the artistic relativity in two philosophical novels by Magnus Florin, a modern Swedish prose writer, is discussed.

Keywords: Swedish minimalist novel, philosophical conditionality, ornamental prose, author's biography.